

Александр МУСИН

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВОВИЧ И КОРОЛЬ ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ КАК ЛЮДИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Современное восприятие политических деятелей Средневековья во многом определяется тем вниманием, которое им уделили на страницах летописей современники. Чем чаще встречается имя князя в летописных статьях, чем пространнее сами статьи, связанные с его именем, тем значительнее кажется его фигура. Однако это представление сегодня воплощается в новых категориях сознания, которые не были присущи людям эпохи, что создает неизбежное искажение восприятия истории современным обществом. Таковы князь Александр Ярославович (“Невский”) и король Даниил Романович (“Галицкий”), их жизнь и жития.

Современное общество подчас оценивает этих средневековых людей с точки зрения “цивилизационного развития” подконтрольных им земель сквозь призму “основного мифа” современности, а именно мифа о геополитике, в котором средневековые представления о религиозном столкновении добра и зла секуляризуются и опошляются до столкновения “сверхдержав” и противостояния цивилизаций. При этом общество старается забыть, что оба князя принадлежали к “другому Средневековью”. Оно оказывается иным не только по отношению к современности, несправедливо назначенной человеком XXI в. “мерилом всех вещей”, но и по отношению к тем стереотипам, в рамках которых этот человек воспринимает Средние века. Чтобы понять то время и его обитателей, необходимо признать, что оно было иным, и всякая попытка представить его по своему образу и подобию есть насилие над историей¹.

Одним из основополагающих моментов в сегодняшнем восприятии обоих правителей является ставшее привычным противопоставление внешней политики “евразийца” Александра и “западника” Даниила. Однако еще Михаил Грушевский писал о “хаотичности” во внешнеполитической деятельности короля Руси², а современные историки не находят в источниках подтверждения его последовательной “антиордынской политики”³, указывая на факт пусть и “насильственного”, но “союзничества”

Руси: В 11 т., 12 кн. – Львів, 1905. – Т. 3: До року 1340. – С. 91.

¹ Ср.: Александрович А., Войтович Л. Король Данило Романович (Славетні постаті Середньовіччя. – Вип. 3). – Біла Церква, 2013. – С. 5.

² Грушевський М. Історія України-

³ Иванова Е. Е. К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – Москва, 2013. – № 2. – С. 37–48.

с Ордой⁴. Политика Даниила Романовича оказывается весьма похожа на “евразийство” владими́ро-суздальских князей, с которыми он находился в родственных и союзнических отношениях.

Король, как представляется, был прагматиком, и этот прагматизм реализовывался в категориях своего времени. Его открытость Европе и участие в присущей ей политической конкуренции, в том числе и за королевский титул, были обусловлены не его личными симпатиями или футурологическими прозрениями, а, прежде всего, пограничной географией его земель, их неизбежной вовлеченностью в общеевропейские культурные и политические процессы. Однако подобным прагматиком был и князь Александр, чьи “латинофильские” деяния разрушают его образ как последовательного “евразийца”. Он первый на Руси стал помещать на своих печатях изображение конного воина с мечом, восприняв его из культуры латинской Европы и декларируя тем самым свое равенство с европейскими правителями⁵. Очевидно, что Александр эксплуатировал те европейские идеи королевской власти, что и Даниил, лишь прибегая к их демонстрации с помощью иной системы образов. Не был князь чужд и европейской дипломатии, в том числе и конфессионально окрашенной. Не позднее весны 1239 г. должны были состояться его переговоры с Андреасом фон Вельвеном, вице-ландмейстером Ливонского ордена⁶. Он отвечает на послание папы Иннокентия IV от 23 января 1248 г., посвященное воссоединению с Римской церковью⁷. В послании князь исповедует христианскую веру, без всякой богословской полемики, и дает согласие на строительство в Пскове храма латинского обряда. Об этом мы узнаем из нового папского послания 15 ноября 1248 г.⁸. Мнение

⁴ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Москва, 1985. – С. 190–192.

⁵ Хорошкевич А. Л. Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого – источник по истории международных отношений Руси начала XIII века // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма / Г. Г. Литаврин (отв. ред.). – Москва, 1989. – С. 24–27; *Ее же*. “Конные печати” Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Александр Невский и его эпоха / Ю. Н. Бегунов, А. Н. Кирпичников (ред.). – Санкт-Петербург, 1995. – С. 140–145.

⁶ Назарова Е. Л. Крестовый поход на Русь в 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто / Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельников (ред.). – Москва, 1999. – С. 190–201 (здесь с. 195–196).

⁷ *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliotecis depromta* / A. I. Turgenev (ed.)

(=Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым). – Saint-Petersbourg, 1841. – Т. 1. – Р. 63, Nr 78; Матузова В. И., Пашуто В. Т. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem Hans Kruus / J. Kahk, A. Vassar* (eds.). – Tallinn, 1971. – С. 136–138; Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь, конец XII в. – 1270 г. Тексты. Перевод. Комментарий. – Москва, 2002. – С. 262–265.

⁸ Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: послания Папы Римского Даниила Галицкому и Александру Невскому // Символ. – Париж, 1988. – Т. 20. – С. 92–113 (здесь с. 112–113); Горский А. А. Два “неудобных” факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. 26–28 сентября 1996 г. – Новгород, 1996. – С. 64–75.

о том, что папские буллы выдают желаемое за действительное и вообще были адресованы “не тому князю”, безосновательно. Церковь латинского обряда во Пскове, несомненно, существовала⁹. Чуть позже, в 1251–1252 гг., князь ведет переговоры с королем Норвегии Хаконом Хаконарсоном и даже сватает своего сына Василия за его дочь Кристину¹⁰.

Непредвзятый взгляд на обоих правителей способен заметить весьма приметное сходство и временные совпадения в их судьбах. Как и Даниилу и Васильку, которым в детстве пришлось покинуть отцовский стол в Галиче и затем бороться за него большую часть жизни, Александр с братом Феодором тоже был вынужден бежать из Новгорода по политическим причинам в 1229–1230 гг., пусть и на более короткий срок. Однако возвращение в Новгород не принесло ему политической стабильности и независимости. Только в 1236 г. Александр Ярославич оказывается здесь самостоятельным князем, а не наместником отца. Это не избавило его от неизбежности повторных изгнаний: противоречия с общиной заставили князя вновь покинуть город в 1240–1241 гг., а затем переживать вдали от Новгорода в 1255–1259 гг. очередные восстания против собственной власти¹¹. Напомним, что конец 1230-х годов оказывается рубежными и для князя Даниила – в 1238 г. волынский князь практически окончательно подчиняет себе Галич после многолетней борьбы и объединяет Галицкие и Волынские земли, хотя ее финальный аккорд приходится на 1243–1245 гг.

Как и в деятельности Даниила Романовича, где рядом часто встречается его младший брат Василько, в судьбе Александра постоянно присутствовали собственные братья: сначала, до 1233 г., старший Феодор, вместе с которым он оказался новгородским наместником, затем младший, Андрей, важная роль которого в “ледовом побоище” 1242 г.¹² оказалась забыта потомками. Братья были не только союзниками, но и соперниками. В 1246 г. после смерти Ярослава Всеволодовича, бывшего великим князем, этот титул от ордынских ханов получил дядя Александра – Святослав Всеволодович, однако уже в 1247 г. инициативу перехватывают его энергичные младшие братья – сначала Михаил, а потом Андрей Ярославичи. В том же году в Орде Александр, сохраняя за собой Новгород и Переславль-Залесский, получает княжение в Киеве и Русской земле – Среднем Поднепровье. Великий князь по-прежнему остается во Владимире. Только в 1251 или в следующем, 1252 г., Александр приезжает в Орду и, наконец, получает Владимирское княжение, “старейшинство во всей братии его”¹³, что окончательно портит отношения с родными братьями – Андреем и Ярославом. Системе территориально-административного управления Чингизидов всегда была присуща двойность¹⁴, однако раздел

⁹ Псковские летописи / А. Н. Насонов (изд.). – Москва, 1955. – Вып. 2. – С. 161 (под 6973 [1465]).

¹⁰ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. – Москва, 2012. – С. 535–542.

¹¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. –

Москва, 2001. – Т. 1. – Стб. 475.

¹² Там же. – Стб. 470.

¹³ Там же. – Ст. 473; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Москва, 2001. – Т. 7. – С. 159–160.

¹⁴ Рыкин П. О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском // Клеппенин Н. А. Святой благоверный

Руси осуществлялся не только в соответствии с монгольскими традициями в намерении создать иерархию и конкуренцию среди русских князей. Он отражал особенности семейного отношения Рюриковичей к Восточной Европе в эпоху, когда поддержание семейных связей было необходимым условием победы и успеха, и братские союзы оказывались залогом суверенного существования. Разрыв с братьями неизбежно вел к сужению княжеской автономии и подчинению внутренней и внешней политики воле Золотой Орды.

Размолвка с братьями была не единственной чертой, отличающей Александра от Даниила. Если в Галицко-Волынской летописи последний предстает воином, постоянно пребывающим в походах и сражениях, то “послужной список” Александра Ярославича много скромнее. В XVI в. “Степенная книга царского родословия” припишет князю всего пять побед, по числу ран Христовых¹⁵. Символичность такого итога, как и избыточное внимание, уделенное агиографом князя Александра “Невской битве” и “Ледовому побоищу”, свидетельствуют о скудости его военной биографии, которую было необходимо искусственно конструировать ввиду неоднократного и подчиненного участия в походах татарских войск. Князья Романовичи тоже не избежали этой участи; так, князь Василько вместе с Бурундаем был вынужден ходить на Литву в 1257 г.¹⁶ Однако приведенное сравнение, по моему мнению, достаточно красноречиво и способно убедить, что различие двух правителей стоит видеть совсем не там, где его традиционно принято усматривать.

Отмеченные выше параллели в судьбах двух исторических деятелей касаются не только их политики и житейских превратностей, но и особенностей отражения в их биографиях “структур повседневности” Средневековья: рождения, имянаречения, веры, смерти и посмертной участи. Именно эти моменты оказываются наиболее значимыми для средневекового человека, жившего в эпоху, главным отличием которой от всех предшествующих и последующих периодов истории было принципиальное совпадение границ социальной и церковной организации. Аналитическое сравнение этих категорий средневековой культуры, преломившихся в судьбах правителей, способно просветить нас, в чем и каким образом Даниил и Александр были близки или различны, и что послужило тому причиной.

Прежде всего, интересно отметить одинаковую неопределенность многих прижизненных фактов Александра и Даниила, отразившуюся в современных им литературных памятниках. Александр Невский почитается как святой благоверный князь, и его церковная память празднуется не единожды в год. Однако мы крайне мало и недостоверно знаем о земной жизни князя, особенного о его детстве и отрочестве. Нам даже неизвестна наверняка дата рождения. Упоминаемые в исследованиях и публицистике даты — 30 мая 1219 г., 30 мая или ноябрь 1220 г., 13 мая 1221 г. не могут быть принимаемы на веру¹⁷.

и великий князь Александр Невский / Ю. В. Кривошеев, Ю. В. Сандулов (ред.). — Санкт-Петербург, 2004. — С. 209–226.

¹⁵ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. — Санкт-Петербург, 1908. — Т. 21: 1. — С. 281–287.

¹⁶ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — Москва, 2001. — Т. 2. — Стб. 846.

¹⁷ Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. — Москва, 1986. — № 2. — С. 174–176.

Скорее всего, родился он не ранее 1221 г. в Новгороде, где в то время княжил его отец Ярослав Всеволодович, а не в Переяславле-Залесском.

Подобную неопределенность можно увидеть и в судьбе Даниила Романовича. Пятилетняя разница в возрасте князя, отраженная Галицко-Волынской летописью – четыре года на момент гибели его отца, князя Романа Мстиславича в 1205 г., и 18 лет во время битвы на Калке в 1223 г. – создает источниковедческое противоречие, справедливо решаемое в пользу более ранней даты рождения¹⁸. Согласно одной из новых гипотез, ошибка летописца была связана с плохой сохранностью текста, которым пользовался позднейший сводчик¹⁹, хотя ее преимущества не кажутся безусловными. Впрочем, имеющиеся в историографии уточнения, что Даниил родился 11 декабря 1201 г. или около этой даты представляются слишком смелыми²⁰.

Невнимание летописца к житейским подробностям такого рода вполне объяснимо: для средневекового человека рождение в этот мир было пришествием в юдоль скорбей и болезней, тогда как настоящий *dies natalis* в жизнь вечную был днем кончины. В данном случае – перед нами не литературный или агиографический топос, а отражение единства условий и условностей средневековой жизни, порождавшей сходные ситуации в области исторической памяти. Однако подобной неопределенностью отличается и имянаречение обоих князей. Нельзя с уверенностью сказать, какой святой Александр был небесным покровителем Александра Ярославича²¹. Пожалуй, лишь упоминание о чуде от иконы Спасителя во Пскове, пришедшееся на “память святого мученика Александра” 18 мая 1243 г.²², может свидетельствовать в пользу одного из майских святых с этим именем, прежде всего святого мученика Александра Римлянина. Напомним, что чудо случилось через год после освобождения города от власти Ордена новгородско-суздальским войском под предводительством Александра и Андрея Ярославичей. Возможно, в сознании летописца между этими двумя событиями существовала определенная связь. Усвоение памяти мученика

¹⁸ Толочко А. П. Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. – Москва 2007. – Вып. 7. – С. 221–236; Домбровский Д. К вопросу о датах рождения Даниила и Василька Романовичей (заметки к статье А. П. Толочко) // Средневековая Русь. – Москва, 2009. – Вып. 8. – С. 85–101; Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. – С. 13–16.

¹⁹ Шабига А. В. Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. – Москва, 2003. – С. 30–40.

²⁰ Майоров А. В. О происхождении имени и уточнении даты рождения Даниила Галицкого // Украина: культурна спадщи-

на, національна свідомість, державність. – Львів, 2011. – Вип. 20: Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / М. Литвин (відп. ред). – С. 453–478.

²¹ Кучкин В. А. О дате рождения... – С. 174–176, Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха / Ю. Н. Бегунов, А. Н. Кирпичников (ред.). – Санкт-Петербург, 1995. – С. 148–150; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропоники. – Москва, 2006. – С. 465–466.

²² Новгородская первая летопись / А. Н. Насонов (изд.). – Москва; Ленинград, 1950. – С. 79, 297.

Александра этому календарному дню вызывает некоторое недоумение, поскольку 18 мая празднуется мученица Александра Анкирская, а отнюдь не ее тезка мужского пола. Впрочем, известно, что память святого Александра, мученика или святителя, могла отмечаться на христианском Востоке 13, 14, 15, 16, 17 и 20 мая, хотя древнерусские месяцесловы знают для этого месяца лишь память мученика Александра, приходящуюся на 13 мая²³. Возможно, соименность святых Александра и Александры могла повлиять на смешение дат или имен²⁴. Попутно заметим, что и монашеское имя Александра Ярославича, полученное им в предсмертном постриге, к которому мы призывали – Алексий, появляется в позднем житии, когда традиция нарекать человека в монашестве именем, начинающимся с той же буквы, что и его мирское имя, уже вполне сложилась²⁵.

Выбор имени для второго из сыновей князя Ярослава Всеволодовича оказывается необычным, как неординарным был и выбор имени для старшего сына Романа Мстиславича. Здесь начинается череда исторических касаний и переплетений, которые сопрягают судьбы обоих правителей. В литературе уже высказывались предположения, что первый выбор обусловлен существовавшими тогда прочными отношениями суздальских Рюриковичей с династией волынских князей, поддерживавших тесные контакты с Византией. Именно на Волыни появляется первый носитель этого имени среди Рюриковичей – владимирский, а затем белзский князь Александр Всеволодович, двоюродный брат Даниила, который получает его примерно за 15 лет до рождения своего северного тезки²⁶. Именно этот Александр, а не Александр Ярославич, окажется одним из политических соперников Даниила Романовича.

Такое имянарекание вскоре получит симметрично-династический ответ. Даниил Романович нарекает Шварном своего сына, родившегося в конце 1220-х годов от брака с Анной, дочерью князя Мстислава Мстиславича Удатного. Его другая дочь, Ростислава-Феодосия, ранее вышла замуж за Ярослава, сына князя Всеволода и Марии Шварновны, в браке с которой и рождается князь Александр, правнук Шварна. Шварн, киевский боярин и воевода 1146–1167 гг., не исключено, чешского происхождения, мог быть тестем сразу трех князей: кроме Всеволода Юрьевича, его дочери выходят замуж за Ярослава Владимировича и Мстислава Святославича²⁷.

²³ *Сергий (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока.* – Москва, 1997. – Т. 2: Святой Восток, ч. 1. – С. 141, 142, 143, 146, 147, 150; *Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков.* – Москва, 2001. – С. 338, 342.

²⁴ Смещение почитания соименных святых хорошо известно в древней Руси (См.: *Мусин А. Е. "Два Кирилла, три Леонтия..."*. Особенности восприятия небесного патрона в древнерусском сознании // *Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии.* XIV чтения памяти член-корреспондента АН СССР

В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. Материалы конференции / Е. А. Мельникова (ред.). – Москва, 2002. – С. 164–168).

²⁵ *Сазонов С. В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянарекания в средневековой Руси // Сообщение Ростовского музея.* – Ростов, 1994. – Вып. 6. – С. 16–24.

²⁶ *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени...* – С. 463.

²⁷ *Кишкин Л. С. Мария Всеволожа – ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь*

В обоих случаях прямого родства между ономастическим “донором” и “рецептором” нет. Однако Ярослав Всеволодович – вероятный претендент на княжение в Галиче в 1206 г. из числа владими́ро-суздальских князей. Именно он в этом году возглавил посольство к венгерскому королю²⁸. В 1230-х годах Ярослав нарекает своего сына Даниилом, как бы продолжая ономастическую экспансию в культурное и политическое пространство Галицко-Волынской земли²⁹. Таким образом, представитель владими́ро-суздальских Рюриковичей, некогда претендовавший на галичское княжение, апеллирует к имянарчению волыньских претендентов на Галич, тогда как волыньский князь, стремящийся получить галичский стол, использует имя, не только связанное с суздальской династией, некогда рассчитывавшей на наследие его отца, но и, предположительно, имеющее интернациональное звучание и объединяющее Киев и Чешские земли.

Эти “ономастические касания” для надежности должны быть помещены в контекст известных брачных связей между галицко-волыньскими и владими́ро-суздальскими землями: Елена, дочь Юрия Всеволодовича и двоюродная сестра Александра Ярославича, в 1226 г. выходит замуж за брата Даниила Василька Романовича, а сам Даниил в 1250 г. выдает свою дочь Ульяну за Андрея, брата Александра³⁰. Через 11 лет, в 1261 г., младший сын Александра Ярославича получит имя Даниил³¹, что дополнительно роднит короля Руси с его внучатым племянником по женской линии.

Зададимся вопросом: откуда вдруг в ономастиконе Восточной Европы в первой четверти XIII в., прежде всего на землях Галича и Волыни, появилось целое созвездие княжеских имен, объединяющих всемирную историю, историю Византии и историю локальную – Даниил, Александр, Ираклий, Лев? Как показывают новейшие наблюдения за древнерусским летописанием, следы заимствования событий всемирной истории из Хронографа, подобного т. н. Иудейскому хронографу 1262 г., встречаются лишь в Галицко-Волыньском своде середины – второй половины XIII в., тогда как полный перевод Александрии Хронографической, совместно с другими византийскими памятниками в их “нехронографической” редакции, впервые использует Киевский свод начала XIII в.³². Очевидно, не позднее конца XII в. в Древней Руси появилась одна из переводных редакций этой истории, которая активно использовалась в нарративной культуре Галича и Волыни. Около того же времени стали складываться и различные хронографические компиляции по всемирной истории, ранее всего обнаружившие себя именно в Галицко-Волынской

и ее славянские соседи. Сборник статей / В. Д. Корольюк (отв. ред.). – Москва, 1972. – С. 253–269. Ср.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени... – С. 368–381.

²⁸ Грушевський М. Хронологія подій галицько-волинського літопису // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 1901. – Т. 41. – С. 1–72 (здесь с. 7–8). Ср.: Ипатьевская летопись. – Стб. 723.

²⁹ Лаврентьевская летопись. – Стб. 521.

³⁰ Там же. – Стб. 472.

³¹ Там же. – Стб. 476; Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 93–107.

³² Вілкул Т. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. – Київ, 2015. – С. 77, 287, 310, 313, 317, 371, 387, 443.

земле. Присущий им стиль изложения определенно повлиял на непогодный характер повествования Галицко-Волынской летописи. Почти одновременно, в конце XII – начале XIII в., один из главных сюжетов Александрии – вознесение Александра находит отражение в храмовой декорации Владимиро-Суздальской земли и прикладном искусстве Киева и Рязани³³.

Сегодня наиболее правдоподобной версией происхождения супруги князя Романа Мстиславича и матери Даниила является мнение о ее византийских корнях, даже если конкретное отождествление еще способно породить дискуссии³⁴. Не принесла ли эта женщина с собою на Русь интерес к всемирной истории и ее персонажам: пророку Даниилу, царю Александру, императорам Ираклию и Льву, что и воплотилось в именах ее сыновей, внуков и племянников? Эти вопросы сегодня оказываются лишь постановкой проблемы, однако положительный ответ на них не так уж и невозможен, учитывая совпадение социо-культурной среды и синхронность событий. Высок был и авторитет Александрии в окружении князя Даниила Романовича, где этот текст уравнивался в достоинстве с Писанием, например, в сообщении под 6739/1231 г.³⁵. Обогащение княжеского ономастикона в XIII в., как представляется, было опосредовано книжной культурой, конкретно – развитием хронографической письменности, а не явилось прямым продолжением славяно-византийских дипломатических и династических контактов. В целом, ономастические переплетения отражают во многом скрытые для нас ценности и амбиции людей Средневековья, одновременно выявляя их культурные и социальные связи.

С небесным покровителем будущего короля Руси, казалось бы, существует большая ясность, чем в истории новгородского князя. Если отбросить библейскую ассоциацию с пророком Даниилом, то возможно заключить, что сын князя Романа Мстиславича был крещен в честь святого Даниила Столпника (память 11 декабря), на что косвенно указывает появление в Угровске к 1264 г. монастыря святого Даниила³⁶, который, подобно самому городу, может рассматриваться как ктиторская постройка князя. Гипотеза о том, что князь обладал вторым христианским именем Иоанн, несмотря на уважение к ее сторонникам, представляется дискуссионной³⁷. Упоминание в

³³ Чернецов А. В. "Полет Александра Македонского": новые материалы к иконографии // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры* / Н. А. Макаров (ред.-сост.). – Москва, 2009. – С. 52–63; Чумакова Т. В. Сюжет "Вознесение Александра Македонского на небо" в древнерусской культуре // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. – 2014. – № 2. – С. 103–107.

³⁴ Обзор мнений и библиографию см. в: Александрович А., Войтович Л. Король Данило Романович. – С. 21–28.

³⁵ Ипатьевская летопись. – Стб. 767. См.: Вилкул Т. Л. "Литредакция" летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // *Герменевтика древнерусской литературы*. – Москва, 2008. – Вып. 13. – С. 425–446.

³⁶ Ипатьевская летопись. – Стб. 786. Ср.: Майоров А. В. О происхождении имени... – С. 457–458.

³⁷ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. – Москва, 1977. – С. 188; Войтович Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти. – Біла Церква, 2006; Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. – С. 14–15.

адресованных королю папских посланиях имя *Ioannis* связано, скорее всего, с неточностью воспроизведения источника³⁸. Однако зафиксированное летописью сугубое почитание князем святого Иоанна Златоустого, которое иногда рассматривается как косвенное указание на его крестильное имя, требует отдельного источниковедческого сюжета.

По моему мнению, упоминание этого имени в связи с Даниилом Романовичем стоит сопоставить с ролью первого холмского епископа Иоанна как в создании города, так и в работе над Галицко-Волынской летописью. Принято считать, что между 1236 и 1238/1239 гг. князь обещает Богу и святому Иоанну Златоусту создать город Холм с соименной церковью³⁹. Эта церковь могла входить в комплекс княжеской резиденции, хотя конкретная интерпретация раскопанных фундаментов, как и локализация сакральной постройки, остается нерешенной проблемой⁴⁰.

Епископ Иоанн, судя по летописной похвале, принимал деятельное участие в градостроительстве и занимал Холмскую кафедру до начала 1260-х годов⁴¹. Это может снять вопрос о причинах почитания святого Иоанна Златоуста в Холме. Храм, скорее всего, был патрональным для первого епископа, как это имело место, например, в Новгороде, где епископ Иоаким Корсунянин заложил в Детинце церковь святых Богоотец Иоакима и Анны, как можно полагать, еще в конце X в.⁴²

В связи с существованием полифонии мнений о начале холмской кафедры, в целях обоснования нашей гипотезы, считаю нужным дать более развернутый экскурс в этот исторический сюжет. Традиционно считалось, что, предположительно, после смерти епископа Иосафа не позднее конца 1230-х годов кафедра была перенесена из Угровска в Холм⁴³. Недавно выдвинуто

³⁸ Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. – Москва, 1976. – С. 123; Майоров А. В. О происхождении имени и уточнении... – С. 473–475.

³⁹ Ср.: Пуцько В. Г. Літописне оповідання про місто Холм // Український історичний журнал. – 1997. – № 1(411). – С. 115–121.

⁴⁰ Buko A., Dobrowolski R., Dzieńkowski T., Gołub S., Petryk W., Rodzińska-Chorąży T. A palatium or a residential complex? Recent research into the northern part of Góra Katedralna (Wysoka Górka) in Chełm // Sprawozdania Archeologiczne. – Kraków, 2014. – Vol. 66. – S. 102, 120–121, 127–128, 134–135, 147, 152, 154.

⁴¹ Ипатьевская летопись. – Стб. 849.

⁴² Дискуссию и источники см. в.: Мусин А. Е. Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник //

Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей. К 80-летию академика В. Л. Янина / Н. А. Макаров (ред.). – Москва, 2009. – С. 104–122 (здесь с. 111); Его же. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого: источники и исследования / В. Л. Янин (ред.). – Великий Новгород, 2010. – С. 155–197.

⁴³ Щапов Я. Н. Епископы древней Руси (конец X – середина XIII в.) // Его же. Государство и Церковь в Древней Руси. – Москва, 1989. – С. 207–212 (здесь с. 212); Gil A., Skoczylas I. Kościoły wschodnie w państwie polsko-litewskim w procesie przemian i adaptacji. Metropolia kijowska w latach 1458–1795. – Lublin; Lwów, 2014. – S. 62–63. Существует мнение, что кафедры в Угровске и Холме были основаны значительно ранее: в 1213–1223 гг. См.: Войтович Л. Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. – Львів. 2015. – С. 41.

предположение, что окончательное утверждение епископской кафедры в этом городе произошло не ранее возвращения Даниила из Мазовии на Во-лын в 1241 г.⁴⁴ Однако как логика изложения летописи, так и топография средневекового Холма предполагают, что новый урбанистический комплекс на Высокой Горке изначально включал в себя княжеский дворец, кафедральный храм Рождества Божией Матери и епископскую резиденцию. Последняя могла быть заложена одновременно с княжеским палатиумом, составляя его неотъемлемую часть. Такое неразрывное соседство правителя светского и духовного предполагает и византийское каноническое право⁴⁵.

Заметим к тому же, что ученое мнение, основывающееся на чтении Хлебниковского списка об Иоасафе Угровском как первом холмском епископе⁴⁶, не может быть принято без дополнительных оснований. Не исключено, что попытка Иоасафа “скочить на стол митрополичь” относится не к 1238–1240 гг., а должна быть датирована более ранним временем, как на это может указывать сообщение Новгородской первой летописи под 1229 г. о кандидатуре епископа Владимирского “Осафа” на новгородский архиепископский стол⁴⁷. Это рассматривается как свидетельство того, что к весне 1229 г. Иоасаф был лишен кафедры, очевидно, еще в 1225 г. новым митрополитом Кириллом II, за попытку занять вакантный митрополичий престол в 1220–1224 гг.⁴⁸. Следовательно, появление Холма между 1236 и 1239 гг. есть *terminus ante quem* для основания кафедры в Угровске. Согласно имеющемуся нарративу, Даниил княжит во Владимире, когда и создает град Угровск и ставит в нем епископа, и лишь потом основывает Холм, тогда как участие Иоасафа в выборах в Новгороде в 1229 г. служит *terminus post quem* для получения им новой кафедры⁴⁹.

Заметим, что создание епископии в Угровске и назначение на нее Иоасафа должно расцениваться как акт покровительства опальному епископу со стороны владимир-волинского князя. Возможно предположить, что попытка волинского епископа занять митрополичью кафедру в 1220-е годы могла произойти не только с ведома и согласия Даниила Романовича, но и по его инициативе. На это как будто указывает и последующее участие князя в судьбе Иоасафа. Дополнительно заметим, что именно в это время деятельность Даниила Романовича отмечена активным церковным строительством⁵⁰. Если наше предположение верно, то князь Даниил в этот период закладывает традицию активного вмешательства правителей Галича

⁴⁴ Юсупович А. “Богу же изволившу Даниль созда градъ Холмъ”: когда и как Холм стал столичным городом // *Rossica Antiqua*. – Санкт-Петербург, 2014. – № 1(9). – С. 44–62.

⁴⁵ Мусин А. Е. Древнерусское общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского / Ф. Б. Успенский (ред.). – Москва, 2008. – С. 341–361 (здесь с. 358–361).

⁴⁶ Юсупович А. “Богу же изволившу...” – С. 52–54.

⁴⁷ Новгородская первая летопись. – С. 68, 274–275. Комиссионный список ошибочно именует епископа Иосифом.

⁴⁸ Поппэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988–1305 гг.) // Шапов Я. Н. Государство... – С. 191–206 (здесь с. 202–203, прим. 10).

⁴⁹ Первое упоминание Угровска относится, возможно, именно к 1229 г. См.: Ипатьевская летопись. – Стб. 721.

⁵⁰ Александрович А., Войтович Л. Король Данило Романович. – С. 63–74.

и Волыни в замещение киевской кафедры. Наиболее ярким результатом такой политики является поставление в митрополиты в 1242–1247 гг. Кирилла II – человека, предположительно, из собственного окружения самого Даниила, а также успех внука короля, Юрия Львовича, в создании Галицкой митрополии и интронизации в Киеве игумена Петра Ратского между 1303 и 1308 гг. Отметим, что масштаб церковных амбиций галицко-волынских князей в XIII – начале XIV в. отличается от светского вмешательства в процесс замещения кафедр в Руськой и Владимиро-Суздальской землях. Такая политика может с большим правом сравниваться с западноевропейской борьбой за инвеституру, пусть и осуществленной на востоке Европы столетием позже. В свою очередь, это может свидетельствовать об определенном отношении Даниила Романовича к духовенству, отражающем его представление о прерогативах светской власти по отношению к духовной.

Добавим, что непредвзятое прочтение известия Галицко-Волынской летописи под 6731 г. о созданном Даниилом Холме, куда “Божиею же волею избранъ бысть и поставленъ бысть Иванъ пискоупъ”, а “бе бо преже того пискоупъ Асафъ Воугровскый иже скочи на столъ митрофолить и за то свержень бысть со стола своего и переведена бысть пискоупье во Холмъ”, не свидетельствует о причинно-следственной связи, предполагающей, что Иоасаф был первым холмским епископом, переведенным сюда из Угровска из-за претензии на киевскую кафедру. Оно лишь повествует о хронологической последовательности событий. Известие Хлебниковского списка о том, что в Холм был переведен именно епископ, а не просто епископия, стоит считать вторичным чтением.

Можно было бы дополнительно предположить, что в 1238–1240 гг. Иоасаф вторично предпринял попытку утвердиться на митрополии, когда Даниил Романович номинально становится киевским князем, что вновь привело к лишению его кафедры, на сей раз угровской. Однако такую интерпретацию можно считать избыточной. В условиях дезорганизации церковной жизни на Руси остается неясным, какой орган духовной власти мог лишить потенциального узурпатора кафедры. Сообщение летописи, по нашему мнению, может быть интерпретировано следующим образом: до епископа Иоанна церковной жизнью Холмщины руководил непосредственно из Угровска епископ Иоасаф, который некогда, в бытность волынским епископом, пытался занять митрополичий стол, за что и был низвергнут с предшествующей кафедры. Тот факт, что Иоасаф назван в этой истории не владимирским, а угровским епископом, не является хронологическим индикатором событий, или же анахронизмом, а отражает нормы канонического права: на момент записи сообщения, как и на момент своей кончины, Иоасаф был угровским, а не владимирским епископом, что и зафиксировал сведущий в церковных диптихах летописец. Таким образом, альтернативная версия история Угровской и Холмской епархий, предполагающая, что первым холмским епископом был Иоасаф, а не Иоанн, основывается, по нашему мнению, на необязательном прочтении источника.

Нельзя, впрочем, исключить, что некоторые нюансы этой истории могли быть снивелированы летописной редактурой. Предположительно, Повесть о

построении града Холма принадлежит именно Иоанну как второму редактору Галицко-Волынской летописи, который трудился, по мнению исследователей, в конце 1250-х годов⁵¹. Отметим изящный литературный параллелизм Повести, в двух строках трижды отсылающий читателя к Богу и Иоанну: Даниила “обещася Богу и святому Ивану Златоусту” основать “во имя его (святого Иоанна – А. М.) церковь” и “градець малъ” (очевидно, во славу Божию) и увидел, что “Богъ помощникъ ему и Иоанъ спешникъ ему”⁵². Вполне естественно, что редактор подчеркивает собственную роль и роль персонального святого в устройении нового города, однако для усвоения ему радикальной переработки предания, приписывающей себе, вместо предшественника, заслуги в основании новой кафедры, нет источниковедческих оснований.

Итак, почитание Даниилом Романовичем святого Иоанна Златоуста было непосредственно связано с близким ему первым холмским епископом Иоанном, который и способствовал проникновению свидетельств этого культа на страницы летописи. Напомним, что этот святой еще не раз выступает помощником князя: непосредственно перед Повестью о построении града Холма говорится об осаде Луцка армией Куремсы (1255 или 1257 гг.) и о “чудесном ветре” святого Иоанна и святого Николая, который защитил город от камнеметных орудий татар⁵³. После возвращения из похода на Чехию (под 6762/1254 г.) король славит Бога, Богородицу и святого Иоанна Златоуста, поскольку его резиденция – Холм – есть не только “дом Пречистой”, по посвящению кафедрального собора, но и “дом святого Ивана”⁵⁴, по посвящению, как я предположил, церкви архиерейского дома. Дополнительно отметим еще одно свидетельство почитания святого с этим именем в княжеской семье. Иоанном в крещении был и сын князя Даниила Шварн, родившийся около 1230 г., хотя он мог быть назван в честь другого соименного святого.

История со святым Иоанном Златоустом представляется для нас, скорее, заслугой редактора летописи, нежели следствием персональной религиозности князя, публичность проявления которой в молитве старательно фиксировалась летописцем. Так, Даниила Романович молится об избавлении от врагов и об отчине непосредственно Богу (6737 / 1229, 6748/1240, 6757/1249 гг.), иногда персонифицированному в иконе Спасителя в Богородичной церкви в Мельнике (6768/1260 г.)⁵⁵, прославляет Его после возвращения из походов (6762/1254 г.)⁵⁶. Ему, как, впрочем, и брату Васильку, Бог помогает в победах (6754/1246, 6756/1248, 6759/1251, 6761/1253 6766/1258 гг.)⁵⁷. Князь создает города по Божьему велению (6767/1259 г.)⁵⁸.

⁵¹ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. – Москва, 1941. – Т. 12. – С. 228–253. Ср.: Ужанков А. Н. Летописец Даниила Галицкого. Проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы X–XIII в. – Москва, 1992. – Вып. 3, ч. 1. – С. 149–180; Его же. Летописец Даниила Галицкого: к вопросу об авторстве второй редакции // Герменевтика древнерусской литерату-

ры XI–XVII вв. – Москва, 1994. – Вып. 5. – С. 154–169.

⁵² Ипатьевская летопись. – Стб. 842–843.

⁵³ Там же. – Стб. 842.

⁵⁴ Там же. – Стб. 826.

⁵⁵ Там же. – Стб. 760, 790, 801, 846.

⁵⁶ Там же. – Стб. 826.

⁵⁷ Там же. – Стб. 798, 799 813, 819, 840.

⁵⁸ Там же. – Стб. 842–846.

Очевидно, перед нами летописные топосы, которые соответствуют как нормам жизни средневекового правителя, так и ожиданиям средневекового человека, обращенным к этому правителю. В этой связи интересно уточнить имена конкретных святых, связанных на страницах летописи с молитвенным настроением князя Даниила. Возможно, именно здесь можно увидеть особенности его религиозности. Так, летописец специально отмечает, что поездка в Орду к Батюю в 1245 г. пришлось на праздник святого великомученика Дмитрия, что тоже сопровождалось сугубой молитвой князя, обращенной к Богу и, как можно полагать, – святому⁵⁹. Возможно, что построенная некогда в Холме церковь святых Козмы и Дамиана с придельным алтарем во имя святого великомученика Дмитрия⁶⁰ как раз отсылает нас к событиям этого года, на что дополнительно указывает близость дат памяти этих святых – 26 октября и 1 ноября.

Во время войны с венгерским королевичем Андреем, упомянутой под 6739/1231 г., князь молится Богородице и святому архангелу Михаилу (8 ноября), а при переходе р. Вилии у Шумска кланялся Богу и святому Симеону⁶¹. М. Грушевский полагал, что Шумская битва должна приходиться на март 1233 г.⁶², когда календарные памяти этого святого неизвестны. Следовательно, в этом случае речь может идти о местном храме святого Симеона. Однако существует исследовательская возможность отнести всю компанию к зиме 1232/1233 гг. в целом⁶³ и, соответственно, датировать это событие месяцем раньше. В этом случае пребывание князя у Шумска вполне могло приходиться на 3 февраля, т. е. на память святого праведного Симеона Богоприимца, что делает весьма логичным обращение к нему с сугубой молитвой.

Стоит отметить, что начало почитания святого Симеона в Восточной Европе может быть связано с латинским влиянием, как об этом свидетельствует история Симеоновского монастыря в Киеве, впервые упомянутого под 1147 г., основание которого, скорее всего, следует связывать с женой князя Святослава Ярославича Одой Штаденской: ее брат Бурхард, возглавивший немецкое посольство на Русь в 1075 г., как раз был аббатом монастыря святого Симеона в Трире⁶⁴. Это замечание важно в понимании следующего сюжета.

⁵⁹ Там же. – Стб. 806.

⁶⁰ Там же. – Стб. 845.

⁶¹ Там же. – Стб. 764. 767.

⁶² Грушевський М. Хронологія... – С. 24.

⁶³ См.: Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование. – Санкт-Петербург; Киев, 2008. – С. 203.

⁶⁴ Ипатьевская летопись. – Стб. 354; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектория традиции. Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI – начала XIII века. – Москва, 2010. – С. 9–20. Отметим, что этой работе присуще в целом случайное смешение святого Симеона Сиракузского или Трирского (†1035 г.), основателя немецкого монастыря, со свя-

тым Симеоном Столпником младшим или Дивногорцем (†596 г., память 24 мая), в честь которого мог быть именован трирский святой. Не исключено, что его небесным покровителем мог быть и святой Симеон Столпник старший, скончавшийся в 459 г. (память 1 сентября). В честь одного из этих древних святых и должен быть основан при князе Святославе Симеоновский монастырь в Киеве. Впрочем, существует мнение, что культ святого Симеона столпника в Галицкой земле обусловлен “особой сакральной связью” Даниила Романовича со столпничеством (Майоров А. В. О происхождении имени... – С. 463, 476). Оно, хотя и не затрагивает

Выше было упомянуто несколько святых, к которым Даниил Романович обращался в молитве. Однако не они оказываются в центре его пантеона. Князь – единственный из правителей Восточной Европы, который на протяжении более 30 лет демонстрирует верность почитанию святителя Николая Мирликийского, не будучи с ним связан через ономастикон. Так, под 6735/1227 г. он отправляется в Жидычин “кланяться и молиться святому Николаю”, очевидно, чтимой иконе в соименном монастырском храме, отказываясь во время этого богомолья под религиозным предлогом от вокняжения в Луцке. Под 6743/1235 г. он молится этому святому о чуде избавления от грядущей войны с захватившими Галич Михаилом Всеволодовичем Черниговским и Изяславом Мстиславичем Киевским; в 1255 г. во время татарского набега Куремсы и похода сына Романа Даниловича на Галич, после охоты на вепря, он молится в церкви святителя Николая в Грубешове⁶⁵.

Чем объясняется эта верность князя заступничеству святителя Николая? Скорее всего, перед нами свидетельство влияния европейского культа, пришедшего в Галич и на Волынь из Польши. Мнение о широком распространении почитания святителя Николая на Руси уже в ранний период и повсеместного установления еще в XI в. празднования перенесения мощей святителя из малоазийских Мир Ликийских в итальянский Бари 9 мая не находит подтверждения в источниках⁶⁶. Почитание этого святого в Восточной Европе до XIII–XIV вв. было преимущественно ограничено княжеской семьей черниговской династии. Ситуация кардинально меняется с началом второго южнославянского влияния и реформой Иерусалимского устава в XIV–XV вв. Однако именно Волынская и Галицкая земли в ранней период свидетельствуют о развитии здесь почитания святителя Николая, что проявится как в храмоводательстве (Жидычин, Грубешов), так и в имянаречении и топонимике (Микулин)⁶⁷. При этом известно, что культ этого святого был распространен как в латинской Европе вообще, так и в соседней Польше в частности⁶⁸.

На этом фоне подчеркнутого современником благочестия Даниила Романовича религиозность Александра Ярославича кажется практически не отраженной на страницах летописи, хотя Житие, по понятным причинам, оказывается ею перенасыщенным. Однако таков критерий жанра. Князь вообще, в отличие от будущего короля, появляется в летописи очень поздно, лишь в связи с началом совместного с братом, а потом и собственного княжения в Новгороде в 1230–1236 гг. и татарским нашествием 1238 г. Суздальскому и новгородскому летописцу он был не интересен, коль скоро летописец вопроса европейского происхождения самого культа, все же, переносит акцент на его византийский контекст XIII в.

⁶⁵ Ипатьевская летопись. – Стб. 751, 775, 830, 842.

⁶⁶ Musin A. Le second avènement de saint Nicolas: les origines du culte d'un saint et sa transformation en Europe de l'Est aux XIe–XVIe siècles // En l'Orient en l'Occident: le culte de saint Nicolas en Europe (X^e–XXIe siècles). Actes du Colloque / C. Vincent,

C. Guyon, V. Gazeau (dir.). – Nancy, 2015. – P. 195–227.

⁶⁷ Ипатьевская летопись. – Стб. 666, 717, 763.

⁶⁸ Starnawska M. Saint Nicolas en Pologne médiévale // En l'Orient... – P. 257–272. Для более позднего периода см.: *Ejusdem*. Świątych życie po życiu. Relikwie w kulturze religijnej na ziemiach polskich w średniowieczu. – Warszawa, 2008. – S. 82, 89, 133, 145, 238, 239.

принадлежал не княжескому, а епископскому, как можно догадываться, окружению. Иная ситуация наблюдается в Галицко-Волынской летописи, княжеской по происхождению, где князь оказывается основным действующим лицом, превращая тем самым летописание в жизнеописание. Однако для целей нашего исследования важно, что жизнеописание отличается от жития как прижизненная слава разнится с посмертной похвалой.

Попытаемся все же увидеть меж летописных строк христианскую личность князя. Князь не строит храмов, и летопись не застает его сосредоточенным в молитве к Богу. Однако это не означает, что его христианская личность была незаметна окружающим. В 1246 г. Александр хоронит своего отца, а 1249 г. погребает дядю Василия Всеволодовича и двоюродного брата Василия Константиновича, провожает их в последний путь и “плачет” по ним⁶⁹. Для той эпохи это была не ритуальная формула и не формальный ритуал. Не только погребение усопших, к тому же, – сродников, было одной из главных христианских добродетелей. Вопреки мнению о “бесчувственности” Средневековья, глаза этих людей всегда находились “на мокром месте”, что не считалось постыдным. Это были слезы “страха смертного”, который тоже воспринимался одним из положительных качеств средневекового человека. В лицо смерти князь смотрел и в 1251 г., когда с ним в Новгороде приключилась “болезнь тяжка”⁷⁰. Исцеление от этой болезни летописец объясняет как прощение Божие, которое случилось не только по молитвам Кирилла, митрополита Киевского, некогда сподвижника Даниила Романовича, и Кирилла, епископа Ростовского, но и по молитвам отца князя Александра – скончавшегося в Орде за пять лет до этого князя Ярослава Всеволодовича. Чудесность этого исцеления в восприятии современников не может быть проигнорирована, когда мы говорим о религиозном сознании Александра Ярославича, поскольку окружающая людская среда во многом формировала личностные установки.

Для правильного понимания веры князя Александра нельзя упустить из виду и то, что в общественном мнении его выздоровление было связано не только со здравствующими церковными иерархами, но и с молитвенным предстательством покойного отца. Известно, что Ярослав Всеволодович никогда не почитался Церковью как святой, однако в жизни своего сына именно он выполняет функцию небесного заступника. Родственные связи не утрачивали своей значимости и за гробом⁷¹ – уверенность общества в праведности правителя, его оправданности пред Богом этому способствовали. Впервые предки Александра Ярославича, согласно его агиографу, на сей раз официально признанные святыми князья Борис и Глеб Владимировичи, пришли ему на помощь накануне сражения на Неве в 1240 г. Примечательно, что не князь обращается в молитве к святым – они приходят ему на подмогу по собственной воле⁷², что превращает князя в

⁶⁹ Лаврентьевская летопись. – Стб. 471, 472.

⁷⁰ Лаврентьевская летопись. – Стб. 472.

⁷¹ Ср.: Комарович В. Л. Культ рода и

земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). – Москва; Ленинград, 1960. – Т. 16. – С. 84–104.

⁷² Лаврентьевская летопись. – Стб. 479.

безынициативное орудие высших сил. В глазах современников Даниила Романович с его постоянной публичной молитвой должен был занимать более активную христианскую позицию.

Религиозные установки обоих правителей можно увидеть не только в отношении к предшествующим, но и последующим поколениям, в частности, – своим сыновьям. Старших детей Даниила Романович назвал Ираклий и Лев, старший сын Александра Ярославича – Василий. На лицо византийская ориентация имянаречения. Здесь стоит вспомнить, что и сама Византия, и существующая в ней императорская власть несли на себе отпечаток сакральности, особенно в глазах народов, недавно приобщившихся к христианству. В тоже время допустимо, что Василий был назван в честь крестителя Руси – князя Владимира Святого, основателя новой христианской династии.

Сыновья Даниила сопровождают отца в военных походах и выглядят вполне состоявшимися политическими деятелями, которые наследуют земли своего отца. Ни о каком конфликте поколений в этой семье нам вроде бы неизвестно. Складывается впечатление, что Даниил придал своим чадам необходимую легитимность, дав им должное имя и приобщив к управлению государством. Иначе сложилась судьба Василия, который умрет в 1271 г., будучи правителем новообразованного Костромского княжества. А в 1257 г. Новгород, где в то время находился княжич, был охвачен восстанием против проводимой Ордой “переписи населения”, которую осуществлял князь Александр⁷³. Протест новгородцев носил не только прагматический характер, связанный с желанием “уклониться” от уплаты налогов. Религиозное сознание со времен царя Давида рассматривало перепись как вызов, брошенный Богу, поскольку переписчик покушался на “Божественную собственность”, на обладание “святыми людьми”, сначала израильтянами, а потом и христианами, которых Бог взял в Свой удел (2 Цар. 24: 1–25). И князь, и татары рассматривались как нарушители Божьей воли. В результате Александр “казнил” зачинщиков в соответствии с нормами византийского уголовного наказания, а своего сына, бежавшего в Псков, по свидетельству летописи, “выгна из Плескова и посла в Низ”, т. е. во Владимиро-Суздальскую землю.

Роль Василия Александровича в протесте против переписи не вполне ясна. Однако публичность наказания сына, похоже, была обычной мизансценой средневековой постановки под названием “священное призвание царской власти”. Она представлялась частью ритуала, общественной игры, в которую зачастую играли византийские императоры. Основатель Македонской династии Василий I (867–886) так же демонстративно в 883 г. по доносу лишил титула соправителя и заключил в темницу вплоть до 886 г. собственно сына, будущего императора Льва VI Мудрого. В этих сложных взаимоотношениях отца с сыном угадывается некая продуманность. Для Льва это было своеобразной инициацией, обрядом перехода (*rite du passage*), который подготовил его к принятию императорской власти и сообщал необходимую легитимность⁷⁴. К тому же, император в

⁷³ Новгородская первая летопись. – С. 82.

⁷⁴ Дагрон Ж. Император и священник:

этюд о византийском “цезарепапизме” / Пер. с франц. А. Е. Мусина. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 148, 257, 265.

Византии рассматривался как “подражатель Христу” по преимуществу. Уподобляясь Богу, император следовал Евангелию, принося собственного сына в жертву, пусть и текущей политике: “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин. 3: 16). Князь на Руси тоже воспринял императорскую идеологию и старался быть *imitator Christi*. Демарш с Василием напоминает историю Льва Мудрого.

Князь Александр Ярославович окончил свои дни 14 ноября 1263 г. Он умер в среду, накануне Рождественского поста, в Городце на Волге, возвращаясь из Орды. Накануне смерти князь принимает монашеский постриг. Погребение состоялось в пятницу, 23 ноября, в Рождественском монастыре во Владимире. Примечательно, что церковная память, вошедшая в святцы, совпала не с днем кончины, а именно с днем погребения. Отпевавший князя митрополит Кирилл сравнит его кончину с крестной смертью Христа и скажет: “Зашло солнце земли суздальской!”, а митрополичий эконоом Севастьян расскажет, что когда митрополит хотел разжать княжескую десницу, чтобы вложить в нее разрешительную молитву, то князь сам, словно живой, простер свою руку⁷⁵. Как видим, первые слова об особой загробной участи князя, обеспечившей ему святость, принадлежат митрополиту и его ближайшему окружению, а день поминовения оказался воспоминанием не о человеческой кончине, а памятью о богослужебном обряде, совершенном первоиерархом и соборным клиросом. Именно этой среде принадлежит составление жития Александра Невского в присущей Галицкой земле литературной традиции⁷⁶ и, соответственно, инициатива его посмертного почитания. Почему именно этот круг лиц оказался заинтересован в прославлении князя, обеспечив тем самым его новую жизнь как святого?

В историографии достаточно прочно обосновалось мнение, что причиной, не позволившей королю Даниилу стать святым, была его “прозападная” политика, вызывавшая недовольство духовенства и митрополита Кирилла. В результате король, “являвший своими деяниями альтернативу политическим усилиям Александра [Невского], не сподобился канонизации”⁷⁷. Однако, как мы видели, в своей политике оба правителя были весьма схожи. Никаких оснований для утверждения об антилатинской клерикальной оппозиции Даниилу Романовичу в источниках не существует⁷⁸.

Рассмотрим предсмертные жесты обоих правителей и задумаемся об их адресованных духовенству послыхах. Предсмертный постриг, который принял Александр Ярославович, уже не был редкостью на Руси того

⁷⁵ Житие Александра Невского // Древнерусские княжеские жития / В. В. Кусков (ред.-сост.). – Москва, 2001. – С. 200; Летопись по Воскресенскому списку. – С. 164. Ср.: Книга Степенная... – С. 293.

⁷⁶ Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. – Москва; Ленинград, 1947. – Т. 5. – С. 36–56.

⁷⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. – Москва, 2000. – Т. 1: Древняя Русь. – С. 13–410 (здесь с. 361).

⁷⁸ Ср.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. – Москва, 1997. – Т. 2: Период Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно, 1-я половина. – С. 86.

времени, он распространялся здесь с конца XII в.⁷⁹ Но постриг великого князя, старейшего в своей братии, расставлял все небесные и земные ценности по подобающим им местам, не оставляя сомнений в превосходстве одних над другими. Это был акт покаяния с большой буквы. Покаяние императора в византийской традиции, как и князя в древнерусской, имело особое значение. Для византийского василевса это был плач об утерянной легитимности, ибо грех не только лишал его звания христианина, изводя вон из Церкви, но и угрожал самой власти, поскольку законная власть в христианском обществе обреталась лишь через признание того, что Церковь выше Царства⁸⁰. Покаяние правителя, будь то император или князь, было смиренным признанием существующего миропорядка, отказом от претензий на власть над Церковью и признанием власти церковного клира отпускать человеческие грехи. Отметим, что с точки зрения общественных последствий этого жеста не важно, был ли он свободным выбором религиозной личности князя, или же был навязан авторитетом духовенства.

Это послание предназначалось одновременно и церковной иерархии, и княжеской власти. Не случайно на древнейшем изводе иконы князя, ставшего иноком, он держит в руках свиток со словами из книги Проповедника: “Братия моя, Бога бойтесь и заповеди его [соблюдайте]” (Екклесиаст 12: 13). “Братия моя” могла быть только княжеской братией. Именно в этих словах, а не в чем-либо другом, заключалось истинное завещание святого князя, транслированное от Церкви обществу. Одновременно с подчинением княжеской власти церковному авторитету агиограф пропагандировал особый тип патерналистической религиозности князя Александра, которая станет господствующей в Московской Руси. Митрополит и его клирос, организуя ежегодные панихиды при гробе князя и редактируя его житие, что составило основу будущего общецерковного почитания, рассчитывали донести до общества нужный иерархии общественно-политический месседж. *Is fecit, qui prodest...*

Со временем из достоинств Александра государством оказались востребованы лишь достоинства авторитарного правителя. Монашеская кончина постепенно забывалась, на первое место вышли его действительные и мнимые заслуги, отраженные в житии: красота Иосифа, сила Самсона, премудрость Соломона, храбрость Веспасиана, Иисуса Навина, Давида и Езекии. Общественно-политические потребности трансформировали смиренного инока в основателя и покровителя Российской, советской и постсоветской империй.

Иначе сложилась посмертная судьба короля Даниила, которая не оставила нам ни дня его кончины, ни его жития, ни его гроба. Если верить погодному разделению Ипатьевской летописи, король скончался в том же году, что и Александр Невский: эпоха “знаковых фигур” XIII в. закончилась одновременно. Под 6771/1263 г. Галицко-Волынской летописец кратко скажет о его болезни, кончине и погребении в созданной им церкви Рождества Богородицы в Холме и подведет краткий итог его жизни: король был

⁷⁹ Ипатьевская летопись. – Стб. 679–681.

⁸⁰ Дагрон Ж. Император... – С. 194–200.

добрый, храбрый, мудрый и братолюбивый, основывал города и строил церкви⁸¹. В некроложной записи присутствуют и пример всеобщего подражания средневековых правителей – библейский царь Соломон: Даниил назван здесь “вторым по Соломоне”.

Именоваться “вторым по Соломоне” в глазах средневекового человека связывалось не с иерархией достоинства, а с иерархией времени. Даниил становился “новым Соломоном”. Подобным образом в Киевском своде князь Андрей Боголюбский именовался “вторым мудрым Соломоном”, что повлияло на летописный образ Даниила Романовича. Идеология обновления в деятельности правителя качеств библейских царей Давида и Соломона была как никому присуща византийским императорам, которые в своей политике во многом ориентировались не на новозаветные, а ветхозаветные образцы⁸². Однако не многие из них сподобились посмертной канонизации: императорская святость является редкостью в Византии. В этом смысле Даниил логично наследовал судьбе византийских и, добавим, – европейских правителей, на которых он походил своей активностью в церковных делах и публичной религиозностью. Этот вполне самостоятельный правитель не нуждался для подтверждения своей легитимности в предсмертном постриге и особом признании княжеских заслуг со стороны духовенства.

Однако главным средневековым “церемониймейстером”, преображающим жизнь, в том числе и посмертную, оставался древнерусский книжник⁸³. Именно он создавал образ покойного правителя, соответствующий или не соответствующий требованиям агиографии. Для понимания ситуации с перспективами посмертного почитания короля Даниила стоит обратиться к другим известиям Галицко-Волынской летописи мемориального характера.

Принято считать, что этот свод посвящен прославлению галицко-волыньских Романовичей. Однако в нем отсутствует обширный и хвалебный некролог не только Даниилу, но и его младшему брату Васильку, который, однако, упоминается в записи о кончине короля Руси как объект его “братолюбия”. В некотором смысле уже в прощании с Даниилом внимание современников переключается с личности покойного на младшего из Романовичей. Нельзя исключить, что Галицко-Волынский свод и сам образ короля Даниила уже в 1260-е годы могли подвергнуться редактуре летописца Василька Романовича⁸⁴. Конфликт Даниила с братом и племянниками ощущается уже во время Тернавского снema 1262 г. и находит свое продолжение во взаимоотношениях Льва Даниловича и Владимира Васильковича⁸⁵.

Знакомство с финальной частью Галицко-Волынской летописи, представленной гипотетическим сводом Владимира Васильковича 1269–1277–

⁸¹ Ипатьевская летопись. – Стб. 860.

⁸² Дагрон Ж. Император... – С. 14, 64, 74–75, 147, 157, 186, 191, 236, 255.

⁸³ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 111.

⁸⁴ См. о сложении образа князя в ле-

тописании: Bartnicki M. Wizerunek “безчестного князя” w Kronice Halicko-Wolynskiej // Україна... – С. 93–100.

⁸⁵ Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. – С. 206–208; Войтович Л. Лев Данилович, князь галицко-волинський (бл. 1225 – бл. 1301). – Львів, 2014. – С. 138–168, 199–210.

1289 гг.⁸⁶, позволяет ответить на некоторые интересующие нас вопросы. Известно, что в Хлебниковском списке содержится только одна дата – дата кончины князя Владимира, чему посвящена обширная летописная статья, которая превращает своего героя в главное действующее лицо местной истории⁸⁷. Владимир, который, как и Даниил, уподобляется Соломону, сравнивается здесь с солнцем, а его смерть – с заходом солнца, что находит параллели и в Повести о житии Александра Невского. Перед нами – развернутый конспект будущего жития, пусть и весьма компилятивного характера, и программа канонизации, включавшая признание нетленности останков князя.

Реализация этой программы была остановлена лишь последующим развитием Галицко-Волынской земли, власть в которой от бездетного Владимира перешла в руки клана Даниловичей. Сыновья короля смогли предотвратить канонизацию своего двоюродного брата, но истекшие с момента кончины Даниила Романовича 25 лет – жизнь целого поколения – уже не позволили им воскресить в Холме память о собственном отце для его церковного прославления. Очевидно, перед правителями Галича и Волыни стояли другие задачи, решаемые другими методами.

В описании кончины Владимира Васильковича содержится ряд важных деталей, позволяющих увидеть ситуацию культурного соперничества между сродниками за право распоряжаться памятью о покойном короле. Уже в крестильном имени князя заложена своеобразная претензия на наследие Даниила Романовича. В крещении он был назван не Василием, как следовало бы ожидать, учитывая традиционность ономастической пары – Владимир-Василий, идущей от крестителя Руси, а, судя по всему, в честь святителя Иоанна Златоуста. В глазах летописца это оправдывается его жизнью, ибо князь не только был подобен святому своей добродетелью, но и “многыа досады примъ от своихъ сродникъ”, под которыми в данном случае могут пониматься Даниил и его сыновья. Напомним, что к моменту рождения Владимира Холм как “дом святого Иоанна” уже был основан Даниилом Романовичем.

Память об усопших родителях становится решающим аргументом в переговорах Льва Даниловича и Владимира Васильковича при посредстве перемышльского епископа Мемнона о владении Берестьем в 1288 г. Образом политического торга становится свеча, которую двоюродным братьям надлежит поставить на гробах своих дядьев. Апелляция Льва к месту упокоения Даниила в Холме и к идее поддержания здесь регулярного заупокойного поминовения, в том числе и путем пожертвования Берестья на помин его души, подается летописцем как дипломатическая хитрость политика, намеревавшегося распространить свою власть на чужие земли⁸⁸. Ответ Владимира уравнивает память обоих Романовичей, противопоставляя гробу Даниила раку Василька

⁸⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – Москва, 1950. – С. 92–101; Орлов А. С. О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. – Т. 5. – С. 29.

⁸⁷ Ипатьевская летопись. – Стб. 903–927.

⁸⁸ “Стрыи твои Данило король а мои

отец лежить в Холме оу святеи Богородицы и сынове его брата моа и твоа Романъ и Шварно и всихъ кости тоуто лежать... абы ты брат мои не изгасилъ свече надъ гробомъ стрыя своего и братыи своеи”. См.: Ипатьевская летопись. – Стб. 913.

у святой Богородицы во Владимире. Князь сам упрекает Льва в непочтении к своему покойному отцу: “много ль есь над нимь [Василько] свечь поставил?”. В своей деятельности он вообще претендует на наследство Даниила, переступая через поколение и взывая непосредственно к памяти Романа Мстиславича, своего деда: летопись сообщает о раздаче им “мониста великаа золотая бабы своей”, жены Романа, в которой некоторые исследователи видят старшую дочь византийского императора Исаака II Ангела Ефросинию.

В описании погребения князя Владимира прослеживается та же заместительная логика, в которую вписываются даже, казалось бы, случайные совпадения. Князь умер в Любомле 10 декабря 1288 г. и был погребен во Владимире 11 декабря, на память святого Даниила столпника, который являлся небесным покровителем старшего Романовича. Даже кузен усопшего князя Мстислав Данилович, приехав из Луцка, плакал над гробом его “плачем великимъ зело аки по отце своем по короле”. Итак, в деятельности и идеологии Владимира Васильковича и его окружения мы наблюдаем полное замещение и вытеснение прижизненного и посмертного авторитета Даниила личностью самого волынского князя. Для наследников Даниила и Василько борьба за память и поминовение стала одной из форм межкняжеского соперничества. В условиях подобной конкуренции признание святости короля Руси и формирование культа вокруг его гроба в периферийном уже к тому времени Холме оказались проблематичными, поскольку, очевидно, нарушили бы баланс политических сил.

Основным же фактором, исключившим канонизацию короля Даниила Романовича, стало отсутствие в Холме авторитетной и стабильной церковной организации во второй половине XIII в. Возможно, епископ Иоанн не пережил короля Даниила. Последние упоминания о нем относятся к 1260 г. Холмская кафедра, как и луцкая, были выделены из состава Владимирской епархии, что каноническое право хоть и допускало, но смотрело на подобное деление неодобрительно⁸⁹. В любом случае, по смерти короля, центр религиозной и культурной жизни края переместился во Владимир. Холм, оставшийся во владениях сначала Шварна, а затем Льва Даниловича, который в волынских делах лишь безуспешно апеллировал к памяти великого отца, не мог составить ему конкуренции. В 1303–1304 гг. эта епархия, вместе с Луцком и Владимиром, вошла в состав Галичской митрополии⁹⁰ и окончательно потеряла значение самостоятельного церковного центра.

Совершенно иная ситуация была на месте погребения Александра Ярославича во Владимире-Клязьменском, где монолитная митрополичья власть не позволила подвергнуть сомнению пропагандируемую ею святость князя. Для понимания решающей роли митрополичьего клироса в этом процессе стоит напомнить, что Александр Ярославович не являлся главным героем ни владимиро-суздальского, ни новгородского летописания,

2010. – С. 77–79.

⁸⁹ Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. – Санкт-Петербург,

⁹⁰ Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae constantinopolitanae. – Paris, 1981. – P. 403.

в отличие от Даниила Романовича, не сходявшего со страниц Галицко-Волынской летописи.

Иногда говорят, что короля делает свита. В этом смысле святого делают его ближайшие потомки, ученики и почитатели, в кругу которых оказывается востребованной ежегодная поминальная служба на гробе почившего⁹¹. Совершенно очевидно, вокруг гроба короля Даниила не сложилось какого-либо авторитетного и стабильного религиозно-политического круга, способного вдохновить его посмертное почитание и составление жития, что в ту эпоху и являлось канонизацией. Процесс разобщения земель и правителей Галицко-Волынской державы, некогда скрепленной властью Даниила, лишил эту потенциальную группу перспектив консолидации. Именно указанный фактор, в конце концов, и определил разницу посмертной судьбы двух правителей. Различия, присущие их религиозности и церковной политике, важны, скорее, современному исследователю, занятому изучением тонкостей средневековых ментальностей и построением их типологии, чем человеку той эпохи, привыкшему полагаться на духовные авторитеты и континуитет социальных практик⁹².

Інститут історії матеріальної культури РАН

⁹¹ Об этом процессе в средневизантийский период см.: *Oikonomides N. How to become a saint in eleventh century Byzantium* // *Oi êrôes tês Orthodoxês Ekkhlêsias : oi neoi agioi, 8os-16os aiônas* / E. Kountoura-Galakê (ed.). – Athêna, 2004. – P. 473–491; *Мусин А. Е. Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век / А. Л. Баталов (ред. сост.). – Санкт-Петербург, 2003. – С. 146–165 (здесь с. 146–147).*

⁹² Статья написана по итогам моего доклада и дискуссии на семинаре “Два обличчя Київської Русі: Великий Новгород і Галицько-Волинське князівство”, організованому 7 мая 2015 г. на Гуманитарному факультеті Українського католицького університету, г. Львів. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить організаторів цього заходу і учасників дискусії: Ігоря Скоциляса, Леонтія Войтовича, Володимира Александровича, Андрія Ясиновського і др.